

Self and Culture Revisited: Culture Acquisition Among Iranians in the US // Ethos. 1989. Vol. 17. № 2. P. 32—50.

⁴³ *Rosenberger N. R.* Dialectic Balance in the Polar Model of Self: The Japan Case // Ethos. 1989. Vol. 17. № 1. P. 88—114.

⁴⁴ Кроме цит. соч. Е. А. Шервуд укажем последние работы, посвященные рассматриваемой проблеме: *Митюшин А. А.* Принципы этнической психологии в трактовке Г. Г. Шпега // СЭ. 1989. № 6; *Петрова А. С.* Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросс-культурные исследования) // СЭ. 1990. № 1; *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988. С. 113—136; *Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П.* Адаптация русских старожилов в Азербайджане // СЭ. 1989. № 5. С. 45, 46, 48.

⁴⁵ В начале 1990 г. в Президиуме АН СССР состоялось расширенное заседание ученого совета Ин-та психологии, на котором отмечалась необходимость развития такого приоритетного направления исследований, как этническая психология. См.: Поиск. 1989. № 5. 1—7 февр. 1990.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

ПЕРЕВОДУ «КАЛЕВАЛЫ»

Л. БЕЛЬСКОГО — 100 ЛЕТ

Столетие русского перевода «Калевалы», выполненного Л. Бельским, было отмечено в Карелии новым изданием, вышедшим в 1989 г. Его подготовил К. В. Чистов, оформил известный иллюстратор эпоса М. Мечев. Ценность этого издания состоит еще и в том, что в его основу положен текст 1915 г. с последними исправлениями и примечаниями переводчика. После смерти Л. П. Бельского его перевод редактировался неоднократно (Д. Бубрих, В. Юнус, Е. Кагаров, М. Шагинян, В. Вазин). К сожалению, желание исправить какие-то неточности и некоторые стилистические погрешности далеко не всегда приводило к улучшению текста. Вот, например, как в последних изданиях русского текста «Калевалы» выглядели начальные строки лённротовского эпоса:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,—
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пролеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Такая синтаксическая структура («Быть готовым... И начать... Чтоб пропеть...») разрушила стройность оригинала, четкие параллелизмы, продиктованные народной традицией. Поэтому как не порадоваться тому факту, что снова зазвучал Бельский:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,
Чтобы к пенью быть готовым,
Чтоб начать скорее слово,
Чтобы спеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Серьезным вкладом в науку о «Калевале» является предисловие К. В. Чистова («„Калевала“ в переводе Л. П. Бельского»). В нем рассказано о предыстории перевода полной «Калевалы», о вхождении его в круг чтения русских читателей и в русскую науку. Автор предисловия, связанный с Карелией в течение многих лет, знающий ее культуру, литературу, фольклор, в свое время опубликовал письма Э. Леннрота Я. Гроту. Пожалуй, с этого начался его интерес к русско-финским культурным связям. Рассказ о взаимоотношениях академика Я. К. Грота и создателя «Калевалы» Э. Лённрота совершенно обоснованно занимает в предисловии большое место. Я. Грот был первым, кто написал о Лённроте и его «Калевале» в русской печати. Так, в статье «О финнах и их народной поэзии», опубликованной в журнале «Современник» в 1840 г., он сжато изложил «Калевалу» прозой и, кроме того, дал образец пробного перевода ХХІХ руны. В то время, когда Лённрот создавал

окончательный текст «Калевалы» (увидевшей свет в 1849 г.), Я. Грот жил в Финляндии и работал в Гельсингфорском университете. Он живо интересовался тем, как осуществляется замысел Э. Лённрота, и постоянно сообщал о «калевальских» новостях в Петербург П. А. Плетневу. В 1877 г. при содействии Я. Грота Э. Лённрот был избран почетным академиком Российской Академии наук. «Калевалой» интересовался и великий русский филолог Ф. И. Буслаев, профессор Московского университета, автор знаменитой книги «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», по сути вдохновивший Л. Бельского на русский перевод. В курсе сравнительного изучения эпоса Буслаев уделял значительное внимание «Калевале». Именно студенты Ф. И. Буслаева сделали первые попытки перевести «Калевалу» на русский язык (М. Эман, С. Гельгрэн, Э. Гранстрем, А. Лундаль). Внимательно следил Буслаев за работой Л. Бельского, и именно на него он возлагал свои надежды.

Вопрос о том, как переводить фольклорное произведение или произведение, построенное на фольклорной основе с использованием фольклорной стилистики, — один из самых сложных. Этому вопросу К. В. Чистов придает первостепенное значение. Он цитирует глубокую мысль Буслаева о том, что эпическая поэзия «это вся национальность какого-нибудь народа, воспроизведенная в художественную форму слова». Бельский, по мнению К. В. Чистова, «подошел к решению этих проблем с ясным пониманием их трудности», но отказался «переводить руны языком русского фольклора», как до него сделал С. Гельгрэн. На вопрос, литературным или народным русским языком переводить «Калевалу», ответил сам Бельский: «По нашему мнению, передача чужого произведения русским народным языком не может иметь места. Русский народный язык имеет свои национальные особенности, заключающие в себе понятия чисто русские, ограниченные народным мироощущением, и вмещает в себе нечто такое, с чем не согласуются соответствующие понятия других языков... Между тем язык литературный гораздо гибче, понятия его гораздо шире, и он может передавать иноземные речения с большим удобством».

Очень подробно рассказано в предисловии, как Бельский пришел к четырехстопному хорю с женским окончанием в своем переводе «Калевалы». Обращение к этому размеру вовсе не было случайным открытием. Этот стих долго вызревал в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. Большую роль в этом процессе сыграли «Бова» А. Н. Радищева, «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, стихи А. Ф. Мерзлякова, позже — стихи А. В. Кольцова и др. Накопленный поэтический опыт сопутствовали замечательные по своей новизне разработки теории стиха А. Х. Востоковым. Четырехстопный хорей, будучи интернациональным и хорошо передающим стихотворную структуру народного эпоса, лучше всего подходил для перевода «Калевалы». Впервые его использовал Федор Глинка, который перевел в 1827—1828 гг. две карельских руны «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы». «Л. П. Бельский, отвергавший стилистическую русификацию „Калевалы“, вполне сознательно примкнул к этой традиции и весьма энергично развил ее», — пишет К. В. Чистов и далее продолжает: «Ритмическая модель стиха перевода Л. П. Бельского теперь уже 100 лет существует в сознании русского читателя как специфическая калевальская, и, видимо, это процесс необратимый». С этим утверждением трудно не согласиться.

Об удаче перевода Л. Бельского говорит уже факт присвоения ему Пушкинской премии в 1889 г. О высоких достоинствах перевода высказывались финский ученый К. Крон, поэт В. Брюсов и др. Между тем были попытки и умалить значимость работы Бельского. Академик О. В. Куусинен в 1949 г. издал так называемую новую композицию «Калевалы». «Композиция» Лённрота была сокращена и раздроблена на отдельные циклы (мифологические, эпические, лирические и т. д.). Поэма Лённрота, созданная из разрозненного народного материала, была таким образом превращена в сборник «народной» поэзии. Сборник этот надо было издать на русском языке, и в связи с этим критике подвергся перевод Бельского: «...речь не идет теперь о создании нового перевода „Калевалы“ для нужд сравнительно малочисленных научных исследователей карельского фольклора (для них остается перевод Бельского), а речь идет о создании такого перевода основных частей „Калевалы“, который сразу открыл бы большому числу писателей, поэтов и других представителей советской культуры свободный доступ к поэтическим сокровищам карело-финского народного эпоса»¹. Почему же перевод Бельского годен лишь для «малочисленных научных исследователей карельского фольклора»? А потому, что он, «хотя и ритмизованный, в большей части фактически ближе к подстрочному переводу, чем к поэтическому». И далее: «современный читатель лишь с трудом может усвоить такой суконный перевод»².

Не вступая в прямую полемику с О. В. Куусиненом и его оценкой перевода Бельского, К. В. Чистов пишет: «Было время, когда для обоснования необходимости нового перевода преувеличивались недостатки „Калевалы“ Л. П. Бельского (ритмическая монотонность, наличие некоторого количества „вялых“ стихов, спорное прочтение отдельных мест и т. д.). Однако все это малообоснованные упреки». Не соглашается автор предисловия и с упреками А. Хурмеваара, которая писала о «недостаточном знании языка оригинала» Бельским. Дело в том, что Бельский изучил не только финский язык, но и диалекты карельского языка. Будучи высокообразованным человеком, он сравнивал свой перевод с переводами на другие языки (шведский, немецкий, английский). Кроме того, он прекрасно знал литературу о «Калевале». Готовя второе издание перевода, Бельский проделал «огромную работу по дальнейшему совершенствованию текста перевода». К. В. Чистов показал на примерах, как это делалось.

Титаническая работа Л. Бельского принесла свои плоды: «Можно вспомнить десятки страниц перевода... которые без всякой скидки следует причислить к шедеврам русской поэзии». «Заслуга Л. П. Бельского, — пишет К. В. Чистов, — была не только в том, что он создал «русскую „Калевалу“,» хотя и это было бы весьма весомым вкладом в русскую культуру. Его перевод бесспорно при-

надлежит к числу наиболее замечательных поэтических книг в истории русского переводческого искусства, особенно в истории переводов иноязычной эпической поэзии».

В предисловии К. В. Чистова уделено внимание и другому важному вопросу — о соотношении народной поэзии и «Калевалы». Уже Бельский знал, что «Калевалу» нельзя отождествлять с народными песнями как таковыми, что Элиас Лённрот сам угодил народным певцам, со слов которых он записывал отдельные песни. Поэтому в предисловии и подчеркивается: «Калевала» — не фольклорная эпопея и не сборник народных песен, эта книга — историко-литературное явление, возникшее на основе рун, это «Калевала» Э. Лённрота. К сожалению, эта истина трудно внедряется не только в сознание рядовых читателей «Калевалы», но и в сознание исследователей фольклора, которые изучают народную поэзию по «Калевале». О тех ляпсусах, которые иногда допускаются при рассуждениях о «Калевале», красноречиво рассказано в рецензии Э. Киуру на издание «Калевалы», осуществленное в Лениздате в 1984 г.³

Петрозаводское издание «Калевалы» — это научно выдержанное издание. К. В. Чистов провел большую и тщательную текстологическую работу по восстановлению прижизненного издания перевода Бельского 1915 г. Из него убраны те редакторские (часто довольно неуместные) поправки, искажения, которые буквально насаивались друг на друга в разные годы издания «Калевалы». В перевод внесены и те исправления и примечания, которые Л. Бельский не успел внести в текст и опубликовал их в примечаниях.

Возвращение переводу Бельского его первоначального облика — дань высокому уважению к таланту русского переводчика, и, думается, что русская «Калевала» от этого только выиграла. Свое второе столетие она начала в том виде, в каком ее подготовил автор, совершивший настоящий переводческий подвиг.

А. Мишин

Примечания

¹ Куусинен О. В. Избранные произведения. М., 1966. С. 549.

² Там же. С. 548.

³ Сов. этнография. 1985. № 3.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

© 1990 г.

Narody. Jak powstawały i jak wybiły się na niepodległość? Warszawa, 1989. 522 str.

Этот коллективный труд посвящён 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности одного из крупнейших польских учёных Тадеуша Лепковского. Весь коллектив авторов составлен из учеников и коллег профессора Т. Лепковского, с которым в течение долгих лет их связывала научная судьба.

Т. Лепковский получил гуманитарное образование во Франции, с 1953 года работал в Институте Истории АН ПНР, был редактором таких изданий, как «Квартальник Историчны», «Акта Полониа Хисторика», «Эстудиос латиноамериканос». В разные годы он был президентом Польского общества друзей иберийской культуры, Европейского союза историков-латиноамериканистов, а с 1982 г. Т. Лепковский — вице-президент Польского исторического общества. Он был удостоен премии им. С. Альенде и награды им. Ф. Знанецкого за авторство книги «История польской эмиграции в Латинской Америке». В круг научных интересов Т. Лепковского входят проблемы, связанные с культурно-историческим взаимодействием народов, особенностями их расселения и формирования национального самосознания. Именно этим вопросам, актуально звучащим сегодня, и посвящены представленные в книге статьи. Основные проблемы, поднимаемые в ней, таковы: происхождение различных народов и специфика их этногенеза, особенности национального быта и самосознания, пути обретения народами собственной государственности, роль традиций в процессе этногенеза.

Сопоставление этнических процессов в Латинской Америке, с одной стороны, и в Центральной Европе, с другой, стало предметом анализа венгерского учёного Адама Андерле в статье «Классы, этнические группы и народ в Латинской Америке». С его точки зрения, эти процессы имеют много общих черт, обусловленных прежде всего тем, что оба региона в XIX веке оказались на периферии развития капиталистической системы. Отсюда, по логике А. Андерле, повысилось значение государства, которое «стало рассматриваться как важнейший институт, определяющий собой лицо всего народа, а последний отождествляется с государством» (с. 32). Особенность Латинской Америки состоит в том, что помимо национального самосознания её народы обладают ещё и сознанием